Литер урная недѣля.

Русская лирика въ 1917 г.

Любители стиховъ горько сѣтуютъ на безмолвіе поэтовъ. Дѣйствительно, въ 1917 году мы не слышали прежняго увѣренно-громкаго голоса русской поэзіи. И все-таки слѣдуетъ признать, что въ современныхъ невозможныхъ условіяхъ поэты сдѣлали все, что могли. Въ отчетномъ году сборники стиховъ, правда, въ небольшомъ количествѣ все-же доходили до читателя. И что еще важнѣе: находили читателей.

У старыхъ стихолюбовъ интересъ къ стихамъ остается повышеннымъ. Ихъ влюбленность въ тайны мѣрной рѣчи неизмѣнна. Но и въ обществѣ недавнее пристальное вниманіе къ поэтамъ отнюдь не смѣнилось безразличіемъ. Общество утратило только напряженную зоркость, отмѣчавшую каждое сколько-нибудь интересное «явленіе музы». Трагедія поэтовъ не въ равнодушіи читателя, а въ ихъ собственной растерянности и уныніи. Отсюда—слишкомъ понятное отсутствіе воли къ творчеству.

Отмѣтимъ то немногое, что дала намъ въ 1917 г. пріунывшая русская Муза.

Чудесная книга **Анны Ахматовой** («Бѣлая стая») сейчасъ—единственное «событіе». Все прочее—эпизоды, отчасти пріятные и значительные, отчасти-не вызывающіе остраго любопытства, и, наконецъ, совсѣмъ тусклые.

Въ книгѣ **Ѳедора Сологуба** «Алый макъ» собраны и старые его стихи (нѣкоторыя пьесы помѣчены 1898 годомъ) и стихи о войнѣ, въ которыхъ нѣтъ настоящаго Сологуба—тайновидца и капризнаго слагателя сказокъ. «Алый макъ» ничего не прибавляетъ къ ярко запечатлѣнному въ литературѣ облику этого большого поэта.

Ив. **Рукавишниковъ** далъ миніатюрный томикъ тріолетовъ («Тріолеты любви и вѣчности»). Выборъ формы сдѣланъ не случайно и вполнѣ сознательно. («Веселый фряжскій тріолетъ одѣну русской риѳмой звонною»). Но этой задачи—не Богъ вѣсть какой трудной—поэтъ не осилилъ. «Звонная» русская риѳма не окрыляетъ его тріолетовъ. За рѣдкими исключеніями — они прѣсны, скучны и ритмически малоподвижны.

Есть пріятныя страницы и отдѣльныя чеканныя строфы въ книгѣ Н. **Шульговскаго** «Хрустальный отшельникъ». Пронизывающій ихъ легкій холодокъ — холодокъ горнаго ключа, («хрустальнаго отшельника»). Суждено-ли ему стать широкимъ потокомъ—угадать трудно. Пока—дарованіе Шульговскаго всего привлекательнѣй тамъ, гдѣ оно не стремится къ большимъ темамъ и нарочитымъ эффектамъ. Его эпическіе опыты и даже искусный «Вѣнокъ сонетовъ» мало интересны. Наоборотъ—лирическій рисунокъ небольшихъ отрывковъ почти всегда удаченъ. Можно привѣтствовать и стремленіе поэта къ новословіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по настоящему свѣжи и красочны, а потому убѣдительны.

Вѣру Инберъ многіе помнятъ по ея «Печальному вину», книжкѣ вычурныхъ стиховъ, насыщенныхъ воздухомъ ночного Парижа. Ея новая книга («Горькая услада») много лучше и серьезнѣй. Манерности и здѣсь хоть отбавляй, но все-же здѣсь поэтесса и скупѣй на слова и строже въ словахъ. Мѣстами ея языкъ обрѣтаетъ благородную сдержанность нашей лучшей поэзіи. И показательны вотъ эти строки, въ которыхъ В. Инберъ какъ-бы пріоткрываетъ дверцу въ свой внутренній міръ: «У меня отъ грима ярче щеки, глазъ блестящѣй глубина. Но когда приду къ тебѣ, далекій, буду я блѣдна. Буду я чиста отъ навожденья всяческихъ прикрасъ, буду я проста, какъ въ часъ рожденья или въ смерти часъ».

Съ красивымъ эпиграфомъ изъ Ромена Роллана о земномъ родствѣ радостей и печалей вышла маленькая книжка Г. **Вяткина** («Опечаленная радость»). Къ сожалѣнію, ея лирическая тема разработана довольно поверхностно. Авторъ подчиненъ разнообразнымъ вліяніямъ (Бунинъ-Бальмонтъ), а «свое» звучитъ у него еще по-дѣтски безсильно. Но это «свое» — безхитростный лиризмъ двухъ-трехъ элегій—располагаетъ къ поэту. Вяткинъ—дебютантъ не безнадежный.

Отъ безобиднаго и мало замѣтнаго Вяткина перейду къ неугомоннымъ «прелюбодѣямъ слова». Революціонная группа футуристовъ и въ этомъ году была достаточно говорливой. Лаконичнѣе, интереснѣе и острѣе другихъ В. **Маяковскій** въ поэмѣ «Война и міръ» (че езъ і—я это подчеркиваю). **Сергѣй Бобровъ** въ своей «Лирѣ лиръ» также нестерпимо-голосистъ, какъ и въ статьяхъ о поэзіи. Заглавіе книги звучитъ гордо, но усвоенныя авторомъ замашки «неистоваго Роланда»—въ явномъ противорѣчіи съ неширокимъ діапазономъ его голоса. Культурнѣе и сдержаннѣе Б. **Пастернакъ** («Поверхъ барьеровъ»).

Было-бы несправедливымъ умолчать о выступленіяхъ нашихъ поэтовъ на страницахъ альманаховъ. Валерій Брюсовъ далъ превосходное стихотвореніе «Древніе скиѳы» (сборн. «Скиѳы»). Въ московскомъ альманахѣ «Вѣтвь» интересны стихи Ю. Балтрушайтиса и М. Волошина. Послѣдній послѣ великолѣпныхъ строфъ «Anno mundi ardentis» подарилъ намъ двѣ странички изящной лирики.

Изъ «88 современныхъ стихотвореній», собранныхъ З. Н. Гиппіусъ многія хорошо знакомы читателю. Но въ этомъ маленькомъ сборникѣ, среди любимыхъ именъ, хочется отмѣтить еще мало извѣстное имя—В. Злобина. Совсѣмъ не плохо сказано у него про нашъ состарившійся міръ: «И бородой покрыты патріаршей его большіе каменныя ноги».

Вотъ, кажется, и все... Итоги не слишкомъ радостны, но и не безотрадны. У русской лирики нѣтъ новыхъ яркихъ побѣдъ, но нѣтъ и пораженія...

Пожелаемъ нашимъ поэтамъ и въ 1918 году быть неумолчными.

Д. Коковцовъ.

◆

„Подъ сѣкирой“.

(Элемиръ Буржъ и его революціонный романъ).

Въ судьбѣ и писательской репутаціи Элемира Буржа есть нѣчто до крайности противорѣчивое. Для немногихъ соотечественниковъ и нѣсколькихъ восторженныхъ иностранцевъ этотъ старецъ съ необычнымъ «магическимъ» именемъ—великій романистъ конца вѣка, законный претендентъ на узурпированный Эмилемъ Золя престолъ. Книга-панегирикъ, написанная Жаномъ Варіо, молодымъ писателемъ католической школы чтитъ въ Буржѣ примѣръ духовнаго величія и вѣчный палладіумъ французской традиціи. Большинство современниковъ ни мало не помышляетъ о немъ; шестидесятилѣтній мастеръ остается по сей день однимъ изъ безвѣстнѣйшихъ членовъ Академіи Гонкуровъ. Издатели обходятъ его и лишь недавнее дешевое изданіе романа «Подъ сѣкирой» напомнило имя невѣдомаго избранника широкому кругу читателей.

Однако въ болѣе тѣсной средѣ убѣжденныхъ почитателей Буржа значеніе его было утверждено еще ранѣе тремя произведеніями. Первое изъ нихъ, романъ «Сумерки Боговъ» имѣетъ уже сорокалѣтнюю давность, заданіе книги: изобразить агонію древняго рода властителей. Герой романа одинъ изъ князей южной Германіи, осмѣлившійся пренебречь угрозами Пруссіи и сметенный ею съ своего побѣднаго пути. Трагическій распадъ и яростное самоистребленіе семьи этого «короля въ изгнаніи», служитъ предметомъ повѣствованія. Названіе романа вдвойнѣ знаменательно. Дважды въ немъ появляется фигура Рихарда Вагнера. Онъ управляетъ «Валькиріей» въ дворцовомъ театрѣ Карла д'Эсте въ самый вечеръ бѣгства послѣдняго въ Парижъ. Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ дряхлаго и одинокаго князя на представленіи «Гибели Боговъ» въ Байрейтѣ. Когда вся зала привѣтствуетъ присутствующаго императора, передъ носителемъ единой власти встаетъ почтительно и горестный обломокъ феодализма. И вотъ Вильгельмъ словно киваетъ въ отвѣтъ,—но не смирившемуся врагу, а двумъ его сосѣдямъ—банкирамъ.

Второе и важнѣйшее твореніе Буржа появилось въ свѣтъ въ необычной литературной обстановкѣ. Оно печаталось фельетонами въ «подвалѣ» Echo de Paris. Масштабъ замысла на этотъ разъ, еще грандіознѣе. Стремительно подвижный романъ приключеній съ чрезмѣрно выпуклыми фигурами и феерической смѣной декорацій возвышается до трагическаго паѳоса и философскаго паренія. Буржъ увѣренъ, что мнимые шедевры нашего времени съ ихъ мелочнымъ воспроизведеніемъ каждодневной дѣйствительности настолько принизили и исказили человѣка, что лишь волшебное зеркало поэтовъ, чтобы вновь узрѣть его въ его героизмѣ, въ его величіи, въ его правдѣ. Себя самого онъ объявляетъ усерднымъ ученикомъ Шекспира и сверстниковъ его, «Елисаветинцевъ», этихъ «мастеровъ слезъ и смѣха».

Романъ «Улетаютъ птицы, осыпаются цвѣты» начинается съ гигантской панорамы пылающаго Парижа. Коммуна утоплена въ крови. Одинъ изъ защитниковъ ея, безвѣстный авантюристъ Флорисъ ожидаетъ расправы, когда въ немъ узнаютъ члена владѣтельнаго рода. Трагическая исторія герцога Флориса, сегодня раба нищеты, завтра раба власти, затравленнаго безмѣрностью и тщетной желаній, безплодіемъ усилія, преслѣдуемаго по пятамъ неизбывнымъ рокомъ, ведетъ къ уничтоженію этого героя безвѣрія. Но надъ могилой этого Фауста, не дождавшагося искупленія, братъ его, слѣпой епископъ, скептическій богохульникъ, познаетъ и славитъ Бога. Философскій вымыселъ, сочетающійся съ дикой романтикой плаща и шпаги, идиллическими и страстными эпизодами среди мѣняющейся природы, завершается и разрѣшается религіознымъ экстазомъ.—Третій, недостроенный памятникъ творчества Буржа, драматическая поэма «Ладья», законченная наполовину. Это новая версія миѳа о Прометеѣ. Задача, плѣнившая юношу Шелли, понята тутъ въ суровомъ и безмѣрномъ духѣ Эсхила.

Для маленькой общины почитателей Буржа эти сочиненія образуютъ три корабля единаго собора. Наряду съ ними романъ «Подъ сѣкирой» представляется всего лишь эпизодомъ. Но сегодня онъ привлекаетъ насъ не въ примѣръ прочимъ, какъ попытка постиженія стихіи Террора, попытки не сходной ни съ «93-мъ годомъ» Гюго ни съ «Боги жаждутъ» Анатоля Франса. Героиня романа—Гильотина.

Капитанъ Жераръ Шудье назначенъ сопровождать во главѣ карательнаго отряда гильотину, странствующую по вандейскимъ селамъ. Найдя одного изъ своихъ распятымъ на дверяхъ лачуги въ деревушкѣ Сенъ-Жедин[illegible], «Синіе» солдаты готовятся къ немедленной расправѣ съ плѣнными; но самосудъ не удается; санкюлоты, пляшущіе вокругъ красныхъ столбовъ гильотины, подвергаются внезапному нападенію «разбойниковъ». Солдаты обороняются въ церкви, начальникъ озерныхъ крестьянъ, «Рубленая рожа» рѣшается къ ужасу своихъ людей поджечь церковь. Санкюлоты совершаютъ вылазку, Жераръ убиваетъ святотатца и спасается въ поле. Раненый въ бою онъ находитъ пріютъ въ лачугѣ, гдѣ мать убитаго имъ Большая Жакина и жена его, переживающая послѣднія родовыя схватки, ждутъ возвращенія шуана. Старуха произнесла спасительное заклятіе надъ тѣмъ, кто первый войдетъ въ домъ. Обѣтъ вынуждаетъ ее спасти убійцу сына. У изголовья роженицы Жераръ встрѣчается съ неизвѣстной дѣвушкой, которую крестьяне называютъ «лѣкаршей». Это Роза-Манонъ Фернсали, дочь знаменитой оперной актрисы и куртизанки, которую революціонная фортуна занесла сначала въ армію синихъ, а позже въ штабъ раненаго Шаретта. Пораженный молчаніемъ старухи, Жераръ готовъ назвать себя принесшимъ трупъ «Рубленной Рожи» вандейцамъ, когда люди его отряда освобождаютъ его и хватаютъ Жакину и Розу-Манонъ.

Жераръ назначается «представителемъ народа» бывшимъ монахомъ Авлиномъ на постъ предсѣдателя «военной комиссіи», поставщицы Гильотины. Вынужденный судить любимую дѣвушку и мрачную свою спасительницу, онъ спасаетъ первую и не можетъ не приговорить къ смерти вторую. Но совѣсть повелѣваетъ ему избавить отъ казни и старуху. Вмѣстѣ съ Розой-Манонъ онъ похищаетъ сѣкиру Гильотину ея трехгранное лезвіе и опускаетъ ее на дно затона. На обратномъ пути дѣвушку вновь задерживаютъ; Жераръ помогаетъ ей и Жакинѣ бѣжать изъ заключенія. Сѣкира безслѣдно исчезла, юстиція пріостановлено и уныніе въ лагерѣ санкюлотовъ безмѣрно. Судъ разыскиваетъ виновнаго; мстя за сына Жакина нечаянно является въ комиссію, чтобы свидѣтельствовать противъ своего избавителя. Жераръ признается въ своей винѣ. Отнынѣ онъ обреченъ, сумасшедшему Куатгумарчу удается отыскать лезвіе и пока длится бой между воспрянувшими духомъ синими Аблина и приведенными Розой-Манонъ «болотными парнями» Шаретта, Гильотина работаетъ непрерывно и послѣднимъ вступаетъ на нее капитанъ Жераръ «лѣкарша» сможетъ лишь отыскать въ корзинѣ палача голову возлюбленнаго, поцѣловать ее въ уста и застрѣлиться.

«И теперь», заканчиваетъ Элемиръ Буржъ свою патетическую повѣсть, «воздѣвая обѣ своя торжествующія руки, залитая кровью вся освѣщенная заревомъ пожара. Прожорливая оставалась одна на этой роковой площади, гдѣ пали всѣ ея слуги». Такъ, въ этой судорожной сумятицѣ ненависти и любви Гильотина отъ начала до конца остается средоточіемъ дѣйствія. Ея красные столбы бросаютъ тѣнь на души и всякій втянутый въ кругъ ея злыхъ чаръ, ея кроваваго обаянія долженъ погибнуть. Подъ этой роковой тѣнью движутся съ перваго мгновенія герои романа. Но самой потрясающей фигурой книги является сумасшедшій вандеецъ Куатгумарчъ, добровольный палачъ, словно влюбленный въ Гильотину, упоенный кровавой механикой. Какъ апокалиптическое чудовище, символъ и божество Террора возносится надъ трупами машина Гильотина, заслоняя своимъ силуэтомъ багровый горизонтъ.

Андрей Левинсонъ.

◆

Новыя рукописи академіи наукъ.

Рукописное отдѣленіе академіи наукъ обогатилось въ истекающемъ году рядомъ крупныхъ рукописныхъ пріобрѣтеній. Къ важнѣйшимъ поступленіямъ относится даръ Е. В. Яковлевой, пожертвовавшей рукописному отдѣленію архивъ ея мужа В. Я. Яковлева-Богучарскаго. Помимо личныхъ бумагъ покойнаго писателя и многочисленныхъ матеріаловъ по исторіи русской общественной жизни новѣйшаго времени и борьбы за свободу, въ архивъ В. Я. Богучарскаго входятъ отрывки архивовъ заграничнаго изданія „Впередъ“ и здѣшняго „Былого“ и часть переписки П. Л. Лаврова.

Среди бумагъ этой переписки находятся письма къ Лаврову отъ Бебеля, Либкнехта, Маркса, Энгельса, Спенсера, Реклю, Рошфора, Клемансо и т. д.

Въ архивъ В. Я. Богучарскаго входитъ также часть архивовъ шефовъ жандармовъ Мезинцова и Селиверстова.

Чрезвычайную цѣнность представляетъ даръ Яковлевыхъ, пожертвовавшихъ рукописному отдѣленію обширное собраніе литературныхъ и историческихъ матеріаловъ, составленное извѣстнымъ библіофиломъ и библіографомъ В. И. Яковлевымъ. Главнѣйшее значеніе собранія представляетъ превосходный подборъ автографовъ русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.

Имѣются автографы: Радищева, Пушкина, Грибоѣдова, Рылѣева, Державина, Гоголя, Герцена, Тургенева, Л. Толстого, гр. А. Толстого, Салтыкова, Глинки, Даргомыжскаго, Мусоргскаго, Сѣрова, Чайковскаго, Мочалова и многихъ другихъ.

Большой интересъ представляетъ поступившее въ „архивъ войны“ собраніе революціонныхъ летучихъ листковъ первыхъ дней февральской революціи и разныхъ партійныхъ плакатовъ.

Воспрещеніе биржевыхъ сдѣлокъ.

По поводу опубликованнаго декрета о прекращеніи оплаты купоновъ и воспрещенія всякихъ сдѣлокъ съ биржевыми цѣнностями, я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми видными финансовыми и биржевыми дѣятелями.

Суммирую ихъ отвѣты.

Въ нормальное время одной этой мѣры достаточно было бы, чтобы убить въ корнѣ нашу промышленность и вызвать финансовую и экономическую катастрофу. Достаточно указать, что декретъ однимъ росчеркомъ пера обезцѣниваетъ милліардные капиталы, вложенные въ русское акціонерное дѣло, и подрываетъ основы всей нашей крупной промышленности и торговли, которая базируется, главнымъ образомъ, на акціонерномъ началѣ. Пріостановка оплаты купоновъ въ переводѣ на реальный языкъ означаетъ формальное банкротство акціонерныхъ обществъ, а воспрещеніе сдѣлокъ съ биржевыми цѣнностями неизбѣжно приводитъ къ параличу всего биржевого аппарата.

Правда, мѣра эта признается временной, „впредь до изданія общаго узаконенія о націонализаціи производства“. Но и перспектива націонализаціи производства сама по себѣ ничего хорошаго не сулитъ нашей промышленности. Есть полное основаніе предполагать, что на практикѣ она выразится въ захватѣ предпріятій рабочими и въ расхищеніи всѣхъ накопленныхъ національныхъ богатствъ.

Авторы декрета, вѣроятно, убѣждены, что новой своей мѣрой они наносятъ ударъ исключительно биржевымъ королямъ и банковскимъ тузамъ. Но они глубоко ошибаются. Декретъ, какъ и другія экономическія мѣропріятія совѣта народныхъ комиссаровъ, бьетъ прежде всего по мелкимъ людямъ. Крупные держатели биржевыхъ цѣнностей, вѣроятно, найдутъ способъ продержаться и выждать, пока пройдетъ угаръ соціалистическаго законодательства. Мелкіе же держатели уже разорены. А мелкими держателями является подавляющая часть населенія. Вѣдь, извѣстно, что задолго еще до войны, въ виду начавшагося уже тогда процесса вздорожанія жизни, и нѣкотораго застоя въ торговлѣ, почти всѣ свободные капиталы, независимо отъ ихъ величины, вкладывались въ биржевыя цѣнности. Объ этомъ свидѣтельствуетъ та легкость, съ какой сравнительно размѣщались на нашемъ внутреннемъ денежномъ рынкѣ многочисленныя акціи какъ вновь возникавшихъ тогда предпріятій, такъ и старыхъ предпріятій, увеличивавшихъ свои капиталы.

Почувствуютъ силу новаго декрета и рабочіе, которые не менѣе акціонеровъ заинтересованы въ правильномъ функціонированіи предпріятій, въ достаточномъ снабженіи ихъ оборотнымъ капиталомъ, матеріалами и т. д. Между тѣмъ съ обезцѣненіемъ акцій не можетъ быть и рѣчи о правильномъ существованіи акціонерныхъ предпріятій.

Вотъ почему въ нормальное время одной этой мѣры было бы достаточно, чтобы вызвать величайшую тревогу. Но только въ нормальное, а не въ наше время. Теперь же, когда промышленности наносятъ ежедневно ударъ за ударомъ, когда расшатаны всѣ основы народнаго хозяйства, когда захвачены банки когда убитъ кредитъ, разрушенъ транспортъ и т. д.,—какое значеніе можетъ имѣть эта новая мѣра?

Ровно никакого — одной больше, одной меньше, не все ли равно.

С. О.